

Мифотворчество в процессе институциональных трансформаций культуры

Аннотация. Социально-культурные модернизации непосредственно связаны с мифотворчеством, которое наполняет эмоциональным содержанием положения конкретной доктрины и тем самым обеспечивает высокую степень мобилизации последователей. Миф актуализирует социально-культурные символы и тем самым предоставляет возможность использования потенциала архетипов.

Ключевые слова: миф, мифология, архетип, мобилизация, мифотворчество, идеология.

Современная институциональная трансформация сопровождается полноценным и всеохватывающим мифотворчеством. Можно со всей определенностью рассуждать о мифах глобализации, модернизации, реформирования, инновационной экономике и т. д. Однако не следует негативно воспринимать процесс мифотворчества. Следует лишь детально разобраться с этим явлением, чтобы в полном объеме осознать его позитивный потенциал.

Сознание современного человека, тяготеющего к рациональным доводам и прагматичным выводам, несколько дистанцировалось от «мифопоэтического» способа мышления, которое, впрочем, продолжает сохранять свое значение.

Метафорическое изложение идеологических истин – лишь видимая часть идеологической работы. Мифические образы создают чувство сопричастности с каким-то значительным событием. А для того чтобы сторонники идеологии модернизации ощутили это, требуются наглядные образы. Схематичного изложения программы модернизации явно не достаточно – невозможно быть причастным схеме.

Социально-культурное проектирование связано с созданием стройной системы образов, принятие или отторжение которой обуславливает успех или, напротив, несостоятельность проекта. Устойчивые образы, основанные на мифопоэтических представлениях и имеющие идеологическое значение, можно обозначить как мифологемы. Миф, который питал мысль древнего человека, позднее становился основой рациональных картин мира. Мифология в переработанном мировыми религиями виде становилась основой действий людей. Сегодня творцы социальных проектов воспринимают мифы в качестве ресурса социальной мобилизации, непосредственно связанного со сферой бессознательного.

Алексей Федорович Лосев в «Диалектике мифа» отмечал: «Миф не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». «Миф не есть произведение или предмет чистой мысли... В основе мифа лежит аффективный корень». «Миф – не идеальное понятие, а также не идея и не понятие, это сама жизнь... Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность». «Миф всегда синтетически жизнен и состоит из живых личностей, судьба которых освещена эмоционально интимно ощутительно; наука всегда превращает жизнь в формулу, давая вместо живых личностей их отвлеченные схемы и формулы» [1].

Живая, телесная, личностная реальность мифа становится элементом мобилизации, поскольку рождает и постоянно поддерживает эмоционально насыщенные символы. Мифологемы в процессе проектирования не убеждают, они увлекают. Необходимость реализации той или иной программы требует не только доказательства, но и уверенности сторонников в очевидности ее воплощения. Это состояние и становится фундаментом социального бытия. Поскольку мифологическое сознание, рожденное архетипами, оперирует чувственными, а не мысленными образами, то вполне естественным для него оказывается состояние, находясь в котором, человек не сомневается в реальности мифологем. Как отмечал И. Кант, в чувственном знании предметы даются, а не анализируются. В функциях мышления чувственное не нуждается. Чувства ошибаться не могут именно из-за неспособности к обоснованию. Они не судят, потому и не ошибаются [2].

Мифология апеллирует к эмоциональным образам и побуждает людей действовать исходя из чувств. Чувство сопричастности играет особую роль для процесса. Оно придает людям уверенность в правильности своих мыслей и поступков. Оно наполняет жизнь каждого сторонника смыслом, привязывая его к социальному процессу и подчас снимая с него тяжкое бремя выбора и ответственности. Все усилия идеолога направляются лишь на то, чтобы сохранять у последователей желание быть сопричастным. Поэтому когда начинают доминировать другие чувства, такие как усталость, раздражение, апатия, которые являются результатом анализа происходящего, люди перестают жить в мифической реальности, тогда мифологема утрачивает свое мобилизационное значение, а проект начинает нуждаться в новых образах для восстановления сопричастности.

Мифологемы имеют мобилизующее значение, если существуют не автономно, а включены в разработанный ритуал. Исследователь мифа Малиновский полагал, что миф и ритуал представляют собой неразделимое единство. Миф в действии характеризуется как ритуал, который создает у последователей чувство сопричастности и единства. Посредством ритуала устанавливается пространственная и временная связь. Именно ритуал проводит границу между истинным и ложным, способствует восстановлению связей с историческими личностями и событиями прошлого, актуализирует значение поступков мифологических персонажей, делает их участниками современного политического процесса. Малиновский подчеркивал, что миф представляет собой психологический феномен, который регулирует жизнь социума, позволяет концентрировать коллективную волю. Направление же воле придается автором проекта. В процессе проектной деятельности важно учитывать, что мифологема вырастает из сферы бессознательного, и поэтому мифические образы в большей степени созвучны настроениям, а не мыслям [3].

Рассмотрение связи мифических образов с коллективным бессознательным приводит нас к исследованиям Карла Густава Юнга. По его мнению, чувства, переживания, эмоции являются реализацией архетипов – врожденных возможностей представления, которые могут себя проявить неожиданно для самого субъекта. Коллективное бессознательное «...при нормальных условиях не поддается осознанию, и потому никакая аналитическая техника не может его вспомнить, ведь оно не было забыто. Само по себе и для себя коллективное бессознательное тоже не существует, поскольку оно есть лишь возможность, которую мы с прадревних времен унаследовали в виде определенной формы мнемотехнических образов или, выражаясь анатомически, в структуре головного мозга». Коллективное бессознательное проявляется через архетип, который является «...примером огромного типического опыта

бесчисленного ряда предков: это так сказать, психический остаток переживаний одного и того типа. Усреднено отображая миллион индивидуальных переживаний, они дают таким путем образ психической жизни». И далее исследователь подчеркивает: «На каждом шагу мы вынуждены иметь дело с индивидуальными, т. е. не типическими условиями. Так что не удивительно, если, встретив типическую ситуацию, мы внезапно или ощущаем совершенно исключительное освобождение, чувствуем себя как на крыльях, или нас захватывает неодолимая сила. В такие минуты мы уже не индивидуальные существа, мы – род» [4].

В проектной деятельности архетип выполняет функцию «основания – цели»: «основания» – поскольку архетип вдохновляет на определенный вид деятельности, «цели» – поскольку предполагает стремление к состоянию гармонии и целостности. Причем человек лишь чувствует необходимость целостности, приблизительно понимает ее смысл и признает сложность вербального выражения. Он интуитивно оценивает: «так» или «не так». Архетипы связаны с наиболее важными социальными установками и являются универсальными основаниями культуры.

Для идеологии модернизации первоочередным является не только сам архетип, сколько его реализация через мифологические образы и символы. Поскольку для идеологии огромное значение имеет противопоставление, антагонизм, то создатели проектов используют архетип смерти, который с успехом может быть связан с чувством страха (перед подчинением, вырождением, ассимиляцией), с представлениями о справедливой власти (сильном правителе, «золотом веке», геро-освободителе). По мнению Юнга, детализировать архетипы нельзя, так как это разрушает их суть. К ним можно лишь прикоснуться.

Создатели проектов стремятся воздействовать на сферу коллективного бессознательного посредством языковых формулировок. Для них эмоции имеют значение мобилизационного ресурса. Поэтому они, как геологи, ищут в недрах бессознательного необходимый «материал» чувств, чтобы затем осуществить его интенсивную «добычу» и «индустриальную» переработку. В средствах массовой информации символы (архетипы, подвергшиеся этнической интерпретации) становятся основой идеологием, превращающихся в идеологический ширпотреб. А когда слова, формулировки, лозунги «затрутся», начинается их вторичная переработка. И так продолжается до тех пор, пока извлеченный из символов смысл не исчерпает своего мобилизационного ресурса и от него не останется лишь культурологический шлак.

Социально-культурологическое мифотворчество есть обработка уже существующих мифов и придание им полезного для политического проектирования направления. Миф интерпретируется, что усиливает его мобилизационное значение. Однако необходимо помнить, что неаккуратное воздействие на архетип в состоянии привести к деформации контактов с ним. Может произойти и нечто похожее на ядерную реакцию. Энергия архетипа выйдет из-под контроля и окажет разрушительное воздействие на общество. Это происходит в эпохи глобальных трансформаций. Образно говоря, призыв к революции уничтожит и самих призывающих.

Последователи структурализма (Леви-Строс) представляли миф в качестве знаковой системы. Посредством мифических символов осуществляется сглаживание фундаментальных противоречий мира (жизнь и смерть, мужское и женское, космос и хаос). Миф вносит в мир упорядочивающее начало. Символ становится точкой опоры, основанием объяснения, фундаментом гармонизации. Казавшееся непреодолимым противоречие уже не воспринимается таковым. Находится выход.